

ЛЮБОВЬ КАК ГЛАВНОЕ ТАБУ САМУРАЯ

Новая волна — 2000 — 7-13 авг — с. 23

На экранах Москвы — новый фильм Нагисы Осима

Когда американцы воевали в Тихом океане, психолог Маргарет Херманн по просьбе военных написала книгу о японском национальном характере. Книга называлась просто — «Хризантема и меч». Херманн говорит о том, что два эти слова лучше других описывают менталитет нации, два полюса сознания японцев. И все-таки колебание. На одной чаше весов — вдохновенное созерцание красоты, на другой — лишенная слов, да и вообще всего человеческого, холодная, яростная жесткость.

Почти семидесятилетний, прикованный инсультом к инвалидному креслу мастер Нагиса Осима после 13-летнего перерыва создал фильм под названием «Табу» — о красоте, которая бросает вызов смерти. Говорят, поиск главного героя затянулся на три года. Осима не мог найти «типичного самурая», актера, сама внешность которого пробуждала бы в зрителе и героях картины оба архетипа. На роль Кано живой классик японского кино выбрал сына известного японского актера, 18-летнего Рюхея Мацуда. Никто другой не мог сыграть Кано Садзэбуро — молодого самурая, в которого влюбляются один за другим все сослуживцы. Представьте юношу в черном кимоно (кстати, художник картины изменил исторически присущий ополчению 1885 года цвет униформы с небесно-голубого на более убедительный — черный), прекрасного, как гейша, с отрешенным, как у статуи Будды, лицом.

Осиму почему-то считают мастером эротики, этаким японским Тинто Брассом. «Табу» можно трактовать в том же ключе, что и знаменитые «Империя страсти» и «Империя чувств». Молодой самурай никогда не знал женщины, братство суровых воинов... Понятно, что рано или поздно на честь вызывающе красивого юноши кто-нибудь покусится. Причем не один раз. А поскольку у каж-

дого самурая всегда при себе меч, то количество трупов на экране будет только увеличиваться. Так и хочется написать вечную рифму «кровь — любовь»...

Вот только Осима далеко не так прост. Он рассказывает предельно реальные истории. Показывает страсть, балансирующую на кончике меча. Вся картина нарисована самыми «основными» красками: черное, белое, красное. И еще — чуть желтоватый фильтр. Потому что история — из недалекого прошлого. Тогда любить значило убить предыдущего любовника, а неписанный кодекс самурая приказывал не любить никого.

Осима снимает кино так, словно со времен Куросавы ничего не изменилось. Потому что в пространстве страсти ничего и вправду не меняется. Нет никакой необходимости менять положение камеры или прибегать к модным эффектам. Осима, как никто другой, знает, что, когда человеку в самом деле отрезают голову, совершенно не важно, где в этот момент находится камера.

Фильм стоит посмотреть уже потому, что время самураев прошло. Динамика вечных колебаний стихает. Вдыхать запах хризантем еще можно. Крови — уже нельзя. Какой бы шокирующей ни казалась картина, она выворачивает наизнанку наши души, показывая, что там, под растущим слоем культурного жира, дергается живой нерв яростной страсти. И в цепочке нервных реакций пока нет никаких промежуточных звеньев. Герои фильма влюбляются и убивают, не зная, что «в последний раз». В последний раз существует неимоверно жестокий и предельно честный кодекс самурая: если командира убивают в битве, его подчиненные должны произвести обряд харакири, саму-

рай не должен занимать деньги, вмешиваться в гражданские распри, вступать в бой по личным мотивам. За нарушение кодекса — смерть. Герои живут в 1865 году.

На следующий год, в 1866-м, кланы Тесю и Сацума снова восстанут, молодой император Муцухито подавит восстание, провозгласит абсолютную монархию и положит конец эпохе правления самураев. Герои фильма существуют в тесных рамках: времени, кодекса, замкнутого мужского коллектива, собственных представлений о том, что значит быть мужчиной, любить. Герои умирают в мире, где требованиями воинской дисциплины запрещена красота. Умирают, так и не придя в сознание. Так и не увидев хризантем.

Даже (а может быть, в особенностях) командир подразделения Хидзиката, которого играет Такеси Китано, после долгих раздумий приходит к выводу, что молодой Кано привлекает дьявольской красотой. На этом полумистическом ощущении и держится весь фильм. Сказать «я бы отдал

жизнь за то, чтобы проснуться под пение соловья, после того как ты провел ночь в моих объятиях. Сделай так, чтобы моя мечта сбылась» — об этом думает каждый из героев картины. И каждый не может признать, что, кроме закона меча, есть еще закон красоты. Точно так же поступали в средневековой Европе. Если вождельщик женщину, значит, перестаешь любить бога. Ergo — тебя искушает дьявол.

Детективная интрига фильма (Хидзикато пытается понять, кто убивает его воинов) выдержана вполне в духе средневековой охоты на ведьм. Тогда тоже пытались найти конкретного виновника происшествия, не понимая, что в мире, где существует табу, убивает не «кто», а «что». Осима показывает силу фатальной неизбежности: в этих условиях, в этом мире, эти люди могут вести себя только так и никак иначе. Попавшие в безжалостные тиски инстинктов и социальных норм, они сами создают «смутный объект желания». Не по образу и подобию (потому что идеи Бога у Осимы нет), а в

соответствии с подавляемыми устремлениями и одновременно с самыми светлыми мечтами. Образ становится фатально притягательным. «Черная вдова» после совокупления всегда убивает самца. Иначе и быть не может. Тоже своего рода табу.

Фильм заканчивается непредсказуемо, но совершенно логично. Хидзикато плавным, отточенным в боях движе-

нием перерубает пополам ствол сакуры. Стоящий с мечом перед срубленной вишней самурай в черном кимоно посреди затянутой туманом пустоты — образ более чем очевидный. Признать красоту — значит убить себя. Проще срубить дерево.

Только последняя сцена фильма приоткрывает для зрителя мистическое измерение всей картины. Только через день-другой после просмотра начинаешь понимать, почему Кано Садзэбуро виртуозно, лучше всех, владеет мечом. Понимаешь, почему фильм начинается со сцены поединка двух будущих любовников: Кано (Рюхея Мацуда) и Тасиро (Таданобу Асано). Вдруг осознаешь, что за желанием Кано лучше всех убивать кроется совсем другое желание — любить так, как не умеет никто другой. Что его отказ провести ночь с женщиной — не бунт против естественных устремлений своего пола. Ему не нужна женщина — ему нужна любовь.

Нагиса Осима взял за основу сценария роман Риотаро Сибя. Но вспоминается имя Мисима Юкио, писателя с консервативными, как теперь пишут в книгах по японской литературе, взглядами. Забавно. Наверное, Мисиме и в голову не могло прийти, что его видение мира, его взгляд (ни в коем случае не взгляды), предельно откровенный, фиксирующий изгибы погибающей в мучениях психики человека, который не в состоянии освободиться от тяжких оков человечности, можно назвать «консервативным». Когда Мисима понял, что время самураев прошло, то совершил харакири. Осима снял фильм. Ему уже почти семьдесят. «Табу» — быть может, последнее слово прекрасной, обреченной на смерть эпохи самураев.

Кано — Рюхеи Мацуда

Семья Нагисы